

Возьми меня себе

Автор:

Мария Летова

Возьми меня себе

Мария Летова

Вожак #3

В свои девятнадцать я хорошо усвоила, что мужчин лучше остерегаться, но в этого мужчину я влюбилась с первого взгляда. Он старше на четырнадцать лет, и он меня не замечает. Я не могу держаться от него подальше, даже понимая, что принесу ему одни сплошные беды, ведь у меня есть секреты, о которых он не знает.

Содержит нецензурную брань.

Мария Летова

Возьми меня себе

Глава 1

Айза

Визг тормозов справа и резкий протяжный гудок ударяют по ушам.

В локоть впираются чьи-то пальцы. Крик матери за спиной и шум города обрушиваются на меня так внезапно, что становлюсь близка к разрыву сердца.

Оно стучит о рёбра, пока провожаю глазами большую чёрную машину, из которой на меня орёт видный седой мужчина.

– Айза! – Дергает мать за рукав моей куртки. – Сколько можно ворон считать?! Наказание! Что мне с тобой делать?!

К ней присоединяется случайный прохожий с усами и в старомодной шерстяной кепке. Тот самый, который секунду назад выдернул меня из-под машины. Нависнув надо мной, они плюются обвинениями и упрёками. Мать трясёт мои плечи, и в её глазах испуг, а я лишь открываю и закрываю рот, смотря то на одного, то на второго, потому что сама испугалась до смерти!

– Простите... – хрипло извиняюсь перед всеми сразу: перед прохожим, матерью и водителем.

Мужчина качает головой и трясёт перед носом указательным пальцем, мама тащит меня вниз по тротуару, схватив за шиворот куртки.

По щеке ударяет капля дождя.

Ледяная.

Передёрнув плечами, натягиваю на ладони рукава водолазки и прячу руки в карманы, тихо прося:

– Пусти. Я сама...

– Как тебя можно одну куда-то отпустить? – взвизгивает мама, беря меня за руку. – Тебе восемнадцать! Восемнадцать, а ума на ноль!

Обиженно молчу, потому что ей не нужны мои ответы. И потому что у моей матери не очень хорошо с нервами. Когда она ругает меня, мне хочется заткнуть уши руками и зажмуриться. У меня под кожей зудит и сердце скачет, когда на меня орут.

Её лицо, закутанное в выцветший синий платок, бледное и осунувшееся. Мое выглядит не лучше.

Это бесконечный день.

Бесконечный.

И я хочу, чтобы он поскорее закончился. Просто закончился, и всё. Хоть чем-нибудь! Потому что в моей жизни есть только две вещи, которые я ненавижу больше всего на свете: мой отец и мерзнуть, а в своих ботинках я уже не чувствую ног.

Слившись с толпой пешеходов, переходим широкий проспект в шесть полос.

Мои глаза хватаются за всё подряд: за людей, за их лица, за их одежду, за стеклянные витрины магазинов, в которых плывёт моё отражение, и за вывески кафе. На мне короткая малиновая куртка, синие джинсы и чёрная шапка. И я очень замёрзла, потому что здесь, в Городе, просто ужасно холодный октябрь!

– Давай, я понесу. – Пытаюсь снять с материнского плеча чёрную спортивную сумку.

– Сама хоть дойди, горе луковое. – Закатывает она глаза, подкидывая её повыше.

Смирюсь, возвращая руки в карманы.

Наши жизни, всё, что нам принадлежит, уместилось в одну сумку на двоих. Это всё, что мы успели собрать, сбегая из дома. Неважно. Вещи – это последнее, что в этой жизни сделало бы меня счастливой. И маму тоже.

Мы пересекаем огромную площадь, а за ней я вижу минареты городской мечети. Раньше я видела её только на старых открытках и фотографиях. Потому что, в отличие от матери, я в Городе не бывала, хотя до него три часа на автобусе.

А вот она, моя мать, здесь родилась. Это было тридцать семь лет назад. Она не забывает напоминать о том, что в моем возрасте у неё уже была половина меня. Не думаю, что я готова стать матерью даже в двадцать пять. Для этого ведь нужен муж, а я решила, что замуж никогда не выйду.

Никогда.

Если... Город не примет нас, нам придётся вернуться.

От этой мысли мне становится дурно. Лучше сдохнуть в канаве.

Холодный ветер жалит меня повсюду, поэтому я трясусь.

– Ммм?.. – переспрашиваю, взглянув на мать.

– Замёрзла? – Обеспокоенно.

– У-у... – вру я, утирая рукавом куртки подтекающий нос, за что тут же получаю по рукам и смеюсь.

Положив мою ладонь в карман своего пальто, мама ободрительно сжимает её, говоря:

– Потерпи.

Через час скитаний мы оказываемся на тихой улице, заставленной частными домами.

Желтые фонари вспыхивают одновременно, потому что стемнело.

И я уже не в силах поражаться тому, что место, которое мы ищем – это двухэтажный дом с кованой оградой, у которой припаркован огромный чёрный джип. Не в силах, потому что мокрая одежда стала нестерпимо тяжелой. Мои зубы выбивают дробь, руки окоченели. Даже коса, спрятанная под курткой, кажется мне двухпудовой, будто к ней привязали кирпич.

И это не тот дом, который построили из чего бог пошлёт.

Это же... это настоящий особняк...

Идеально прямоугольный и широкий. Крыльцо с каменными ступенями подсвечено старомодным фонарем. В доме горят почти все окна. Их тут много. Очень много.

Наше гробовое молчание, красноречивее любых слов. Прижавшись друг к другу, мы пялимся на парадную дверь, выкрашенную в красный цвет.

Это место – центр социальной помощи. По крайней мере, мы так думали, потому что это совсем не похоже на что-то с припиской «социальный».

Повернув голову, осматриваю залитый дождем двор с ухоженной территорией. Он тёмный и размокший.

Дверь открывает высокая и очень красивая брюнетка.

Я не воспитана пялиться, но ноги у неё бесконечные и стройные. Она и сама в курсе, потому что демонстрирует их очень узкими джинсами.

Черные, густо подкрашенные глаза изучают нас с ног до головы. Моя рука все ещё в кармане материнского пальто, и ее ладонь сжимается вокруг моей.

Эта женщина мне мгновенно не нравится. Потому что мы посиневшие от холода и промокшие насквозь. А она выжидает целую минуту, прежде чем выгнуть идеальные брови и спросить:

– Записаны?

– Нам сказали, можно без записи. – Дрожит мамин голос.

– Заходите, – не торопясь, бросает та, лениво отходя в сторону.

Тёплый воздух кружит мою голову. В нос ударяет запах еды и лёгких духов, в глаза – ярчайший свет большой хрустальной люстры. Желудок просыпается, потому что мы с утра ничего не ели. Из носа снова течёт, по венам расползается жуткая слабость.

– Я, Лаура. – Закрывает брюнетка дверь. – Вы – мать?

– Да, я Аида. – Выпускает мою руку мама. – А это Айза.

– Идите за мной, а дочь пусть здесь подождёт, – распоряжается та.

Посмотрев в мои глаза, мама молчаливо просит помалкивать, и передаёт мне нашу сумку.

Опускаю её на пол у своих ног, с подозрением и просто бесконечной усталостью озираясь по сторонам.

Что за...чертовщина? Мы что, в мышеловке?

Широкий холл с лестницей на второй этаж. А перед ней – квадратный тонкий ковёр. Паркет. Повсюду. На стенах... картины. Справа гостиная, из которой доносятся звуки работающего телевизора. Слева – коридор, который минуту назад проглотил мою мать.

Стягиваю с головы мокрую шапку и запихиваю в карман, топчась на месте.

У стены – обитая атласной тканью банкетка, но я ни за что на неё не сяду. Я вообще боюсь к чему-то здесь прикасаться, поэтому просто стою у двери. Бродящее по венам волнение делает меня дерганой. Мои глаза круглые, а сердце настукивает всякие страхи.

Что, если нас погонят отсюда?

Если погонят... умру у них на крыльце, клянусь! Там по крайней мере сухо и...

Где-то хлопает дверь, и я поворачиваюсь на звук.

– Тогда, я поеду туда сама! – Звонкий женский голос вылетает из-под лестницы.

– Езжай. – Хрипловатый и спокойный мужской.

– Ты серьёзно?

– Ага.

Шаги и голоса приближаются ко мне, и я сливаюсь со стеной в ожидании.

– Чёрт, я прошу час твоего времени, неужели это так сложно?

– Не сложно, а глупо.

– Это не глупо. Это важно!

– Это глупо.

В холл врывается огромный широкоплечий мужчина, а за ним по пятам следует хрупкая брюнетка с просто роскошными распущенными волосами и в красном брючном костюме. Такая ухоженная и яркая, что я вдруг стесняюсь липовых побрякушек в своих ушах.

Это последняя связная мысль в моей голове...

Разумеется, в своей жизни я видела мужчин. Я даже знаю, как мужчина выглядит без одежды. Но сейчас я уже не уверена в том, что то были настоящие, а не поддельные мужчины. Потому что этот... он... такого никогда ни с кем не спутаешь...

На нём черная толстовка с капюшоном и военные штаны с накладными карманами. Короткий ёжик волос, высокие скулы, твёрдые губы и тёмная густая щетина на квадратной, чётко очерченной челюсти.

В руке у него чёрная куртка.

А его тело... оно... как машина. У него всё большое. У него настолько плоский живот, что на спортивной толстовке нет ни единой складки. Крупные бёдра и широкие плечи выглядят каменными. А на ногах у него просто огромные высокие военные ботинки.

Преградив ему дорогу, девушка упирает руки в бока и рычит:

– Ты просто баран, Максут! Я возьму с собой кого-нибудь другого.

– Не советую, – спокойно говорит мужчина, отодвинув её за плечи и, посмотрев прямо на меня поверх её головы, добавляет. – У тебя гости.

У него голубые глаза, а у меня перед глазами вдруг всё плывёт, а потом вообще исчезает, будто кто-то выключил свет. Сползая по стене, готовлюсь клюнуть носом пол...

Глава 2

Айза

Слышу чертыхания, топот ног и женский вскрик.

Звон бьющейся посуды, и мое лицо встречается с твёрдой, пахнущей стиральным порошком поверхностью, по которой я безвольно растекаюсь, с запозданием понимая, что это человек.

Уверенные сильные руки мягко меняют мое положение, подхватывая под коленями и поднимая на руки.

В ушах звон, а в горле так сухо, что не могу сглотнуть.

– Мммммм... – стону с мукой.

Шея выгибается, голова и рука безвольно свисают, как у драматической актрисы, только я совсем не придуриваюсь.

Кажется, я упала в настоящий обморок.

– Ох... бедненькая... – женский возглас.

– Куда её? – нетерпеливый мужской.

– Давай наверх...

Меня плавно качает.

Руки и ноги не работают, но я чувствую, как липнет к ногам сырая ткань джинсов, и тепло другого человека. Мне хочется прижаться к нему теснее, чтобы согреться, потому что в следующую минуту меня начинает потряхивать.

– Принеси воды... и еды, лучше бульон... – командует незнакомый мужчина над моей головой.

Я взмываю вверх и опускаюсь на мягкое, силясь открыть глаза. Мои ноги остаются без обуви. Мне холодно.

– Такая бледная...

– Отток крови и недостаток кислорода в мозге. Это обморок. Поживее, я опаздываю на самолёт...

– Что мне сделать?

– Вода и бульон.

Хлопок двери. Моё запястье обхватывают тёплые сухие пальцы. Я, наконец-то, могу открыть глаза.

Боже...

Он ещё больше, чем в прошлый раз.

Сидит на краю кровати, зажав большим пальцем мой пульс, и сосредоточенно смотрит в свои спортивные часы с кучей всяких циферблатов.

Боясь сделать лишний вдох, пялюсь на его лицо. Оно загорелое и очень мужественное. В нём нет ничего... мальчишеского, ни одной черты, хотя выглядит он молодо.

Скользнув глазами по мощной шее и рельефной груди, перевожу глаза на наши руки. Его ладонь тоже загорелая, очень широкая. Опутанная сухожилиями и венами. А его бицепсы... они толщиной с моё бедро, честное слово...

Опомнившись, поджимаю пальцы на руке, потому что мои ногти – это кошмар. И я не преувеличиваю. Они выглядят так, будто я пилила их пилой... это нервное, и это отвратительная привычка, за которую я себя ненавижу. Мужчина поднимает глаза, повернув ко мне практически лысую голову.

Они у него голубые. Без серого.

Голубые и очень внимательные...

– Как тебя зовут? – Отпускает мою руку.

– Айза... – шепчу шершавым голосом, не спуская с него глаз.

– Сколько пальцев, Айза? – Загибает он свой большой.

– Четыре...

– Когда ты ела в последний раз? – Берется за молнию на моей куртке, и я в панике шарахаюсь в сторону, саданув ему по руке.

– Спокойно. – Тут же убирается он к чёрту, а я сажусь, отползая к спинке кровати.

Быстро осматриваю комнату, похожую на персиковый кекс. Повсюду этот тон. На стенах, шторах и на полу. Две кровати, шкаф и окно, по которому лупит дождь.

Кошусь на дверь, предупреждая:

– Не трогайте.

– Нужно снять мокрую одежду. – Встаёт мужчина с кровати, и мои глаза поднимаются вслед за ним, а потом он забрасывает руку и стягивает с себя толстовку, потянув за ворот.

Край белой футболки поднимается, оголяя кусок живота. Мощная косая мышца убегает за пояс резинки спортивных штанов, из-под которой на меня смотрит полоска белых трусов с фирменной надписью... низ его живота покрыт тёмными волосками, которые также утекают под резинку.

С усилием проталкивая в пересохшее горло слюну, я уже смотрю на то, что у него ниже этой резинки, и щёки загораются так, будто к ним поднесли открытый огонь. В панике увожу глаза и смотрю в потолок, но фрагмент его тела от пупка до выпирающего паха навсегда отпечатался в мозгу.

Низ моего живота реагирует внезапным всплеском ноющей тяжести, от которой хочется сильнее сжать бёдра... это так неожиданно, что я впиваюсь пальцами в своё колено.

Перед моим носом возникает чёрная толстовка со словами:

– Брюки и носки тоже сними.

Вскидываю на него глаза, не шевелясь.

Он смотрит на меня в спокойном ожидании.

Не получив реакции, говорит:

– Я не ем детей.

– Мне восемнадцать, – хриплю я.

– А мне надо идти. – Тычет он толстовкой.

Забираю её машинально и прижимаю к себе, продолжая смотреть в неподвижное загорелое лицо.

Не говоря ни слова, мужчина разворачивается и идёт к двери, давя ботинками пушистый персиковый ковёр.

Проведя рукой по мокрому лбу, слежу за ним до самой двери.

– Как... – кричу ему вслед, прочистив горло. – Как мне её вернуть?

– Оставь себе. – Покидает он комнату, не оглядываясь.

Смотрю на дверь целую минуту, прежде чем поднести мягкую тёплую ткань к носу.

Порошок и запах чистой выстиранной одежды.

Кто он, чёрт возьми, такой?!

Глава 3

Айза

– Что ты сказала? – Гремит надо мной разъярённый голос.

– Отпусти! – Истеричный голос матери.

Слёзы заливают моё лицо. Пальцы царапают жесткую руку, вцепившуюся в косу.

– Тттты ккусок ддерьма! – ору до хрипоты, вонзая ногти в его запястья.

Со злостью и бешенством. С остервенением.

Вскрик матери, и она падает на пол. Брыкаюсь, как ненормальная. Но он сильнее. Сильнее нас обеих. Никто нам не поверит. Никто не захочет...

– Мама...

А потом все прекращается.

Падаю на колени, а за моей спиной на пол падает грузное, ненавистное тело.

Отползая, кричу. Утираю слёзы, сотрясаясь в рыданиях.

В руках матери – разбитая ваза. В глазах – ужас. В моих тоже.

– Собирай вещи... – хрипит она.

Горло сдавила паника.

Киваю, срываясь с места...

– Айза... проснись...

Сердце стучит в ушах. Дышать нечем...

– Айза... – сквозь мутный морок слышу я и распахиваю глаза.

Моя футболка прилипла к телу, в голову кто-то засунул огромный булыжник.

Глядя в свежевыбеленный потолок, сиплю:

– Можно мне воды...

– Сейчас...

Глотаю жадно, давясь и перхаясь.

– Не спеши...

Осматриваю залитую солнцем комнату.

Такую персиковую и тёплую.

Такую спокойную.

Вспоминаю, где я.

Целую минуту вспоминаю, где я.

Вцепившись в одеяло, жду, пока сердце перестанет скакать. В груди тянет. Перевожу глаза на мать и сипло спрашиваю:

– Они ведь нас не найдут?

Мама молчит целую минуту. Глядя в мои глаза. Они у нас похожи. Я бы умерла, если бы во мне было хоть что-то от него. Просто умерла бы. Может, это и ему самому не давало покоя? Надеюсь. Я надеюсь, что его собственные демоны пожрут его нутро и нутро всей его семьи. Так же, как он жрал наше все эти годы.

– Для этого нужно искать, – наконец-то отвечает она.

Киваю.

Чтобы кого-то искать, этот кто-то должен обладать хоть какой-то ценностью.

Щёку жалит горячая слеза, и я не могу сдержать всхлип. Мама протягивает руку, стирая её, а я глотаю ком и шепчу:

– Прости...

Я не хочу быть слабой... но у меня не получается. Из нас двоих – я тот человек, на которого сложно в чём-то положиться. Настоящая обуза. Если бы не я...

– Айза – ты, самое ценное, что есть в моей жизни, – заверяет она, будто читая мои мысли.

Смотрю в окно, снова кивая.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашивает мама, вставая.

Наблюдаю за ней, двигая глазами.

Остановившись перед зеркалом, она повязывает на голову платок, а потом, будто опомнившись, отбрасывает его в сторону.

Я знаю, она не стала бы его носить. Она горожанка до мозга костей. Она не носила его до того, как... как вышла замуж.

Её гладкая коса спадает по спине. Моя мама – красивая. Он тоже это замечал. Всегда.

Привстав на локтях, прислушиваюсь к себе и неуверенно говорю:

– Отлично.

Я целую неделю провела, прикованная к постели. Кажется, такой простуды со мной не случилось никогда. Зато со мной случилось много чего другого.

– Мне пора, – говорит мама, вешая на плечо сумку и приглаживая на макушке волосы.

– Хорошего... дня, – тихо говорю я, взглядом провожая её до двери.

Пока я валялась в кровати, она нашла работу в городе. Мама – швея. Когда-то я помогала ей. Ровно до того момента, пока чуть не оттяпала себе палец двойной иглой для швейной машинки.

Я все делаю из вон рук плохо. По крайней мере все то, что нужно делать руками.

Мне тоже нужна работа.

Я знаю.

Знаю и...

Мне восемнадцать, а я ни черта не умею.

Глядя на своё отражение, сжимаю губы.

Из зеркала на меня смотрят карие глаза и миловидное лицо на тонкой шее.

Дергаю за резинку, распуская косу.

Я отвратительно училась. Я рассеянная и... медленная. Моих грехов не счесть. И как с этим жить?

Тяжко вздыхаю и плетусь в душ.

Стою под горячими струями целую вечность. Целую вечность намыливаю волосы и своё тело.

Скольжу ладонями по груди и животу. Вздрагиваю, задевая огромный синяк на пояснице.

Впервые в жизни мне не нужно спешить. Мне не нужно прислушиваться к каждому звуку. Не нужно... бояться...

Даже неделя в таком месте – это как побывать в санатории. Мама сказала, мы можем оставаться здесь так долго, как только захотим.

Два дня лил дождь, а сегодня вдруг – солнце. Сегодня последний день октября. Я не люблю зиму. Потому что не люблю холод.

Выйдя из душа, не спеша сушу волосы.

Натянув на себя синие лосины и майку, решаю обойтись без бюстгалтера. С моей грудью – это совсем не проблема.

Поверх майки надеваю футболку и беру свой длинный вязаный свитер с полки, но потом замираю, глядя на идеально сложенную чёрную толстовку в углу.

Будто вспышка, в голове возникает образ голубых внимательных глаз.

Максут...

Пальцы касаются плотной ткани.

Это самая приятная к телу ткань из всех, которым приходилось моего тела касаться.

Я думаю – это какой-то специальный состав. Я думаю, что это очень дорогая вещь.

Помедлив секунду, беру её с полки и надеваю на себя.

Глядя в зеркало, морщусь.

Она такая огромная – чуть ниже середины моего бедра. И тёплая. Плечи висят почти на локтях, о ширине вообще молчу. Вспоминаю, кому она принадлежит. В... мельчайших подробностях...

Обув ноги в свои старые кроссовки, выхожу из комнаты.

Спустившись по лестнице, осматриваю пустой холл. Запах еды гуляет по дому. На кухне слышны голоса. Наверное, я проголодалась. Но я никого здесь не знаю. И, если быть честной, сегодня я не хочу ни с кем знакомиться.

Помявшись на первой ступеньке, выскальзываю за дверь, и тут же прикрываю ладонью глаза.

Яркое солнце режет их, будто нож.

Набросив на голову капюшон и засунув руки в рукава, как в муфту, медленно бреду по выложенной камнем дорожке.

В воздухе немного тумана. Воздух свежий и влажный.

Осмотревшись по сторонам, решаю пойти направо.

Здесь, на этой улице, так тихо. Если бы я не знала, что нахожусь в городе, никогда бы не поверила. Город немного меня пугает. Я не знаю, как в нем жить. Не знаю, где мне здесь пригодиться. Я не смогла пригодиться даже там, откуда я родом.

Я не знаю, есть ли на свете более бесполезный человек, чем я?

Наверняка есть, но нас таких не много, уверена.

Проходя мимо парка, обнимаю пальцами прутья ограды и смотрю на то, как резвятся на детской площадке разновозрастные карапузы.

Оттолкнувшись, бреду по тротуару, решая никуда не сворачивать. Если я заблужусь... это будет так на меня похоже.

Спустя пятнадцать минут неторопливого бесцельного шага, тихий спальный район вдруг заканчивается, и я оказываюсь на стыке двух проспектов. Шум города постепенно накрывает меня с головой, и я целую минуту стою, не решаясь идти дальше.

Повернув голову, вижу кофейню на первом этаже старомодного серого здания.

Внутри пахнет выпечкой и кофе. Так вкусно, что у меня текут слюни. За стойкой высокий парень в зелёном фартуке. Темные волосы густой вьющейся чёлкой

спадают на лоб. Он... красивый. Наверное. Бросив на него быстрый взгляд, прохожу вперёд, чтобы изучить грифельную доску, на которой белым и красным мелом представлен ассортимент.

– Выбрали?

Поднимаю глаза и натываюсь на прямой карий взгляд. Упершись руками в прилавок, парень смотрит в мое лицо, а потом медленно осматривает меня всю.

Я знаю, что выгляжу нелепо. Но... мне так комфортно.

Отвернувшись, хмурюсь и спрашиваю деловым тоном:

– Что такое латте?

– Это кофе с молоком. Тебе понравится.

Снова поднимаю на него глаза. И снова он смотрит, тихо спрашивая:

– Как тебя зовут?

Молчу, думая о том, зачем ему моё имя?

Звенит дверной колокольчик.

Бросив взгляд через плечо, отхожу в сторону.

Мое сердце ухает вниз, а глаза расширяются, потому что в кофейню, на ходу снимая солнечные очки, заходит... хозяин моей толстовки...

Глава 4

Айза

На нём защитная военная куртка и синие джинсы. На ногах – огромные чёрные кроссовки.

Засунув очки в нагрудный карман, мужчина занимает своими плечами все окружающее пространство.

От его шагов подпрыгивает посуда.

Или мне так кажется...

Его глаза осматривают обстановку и фиксируются на... мне.

Желание закопаться в капюшон невыносимое. Они быстро изучают меня от макушки до пят. Цепко и ровно.

Делаю ещё один шаг назад, царапая пальцами свои предплечья в рукавах.

Моя макушка на уровне его плеча.

Чёрт возьми, какой же он большой...

Его появление затмило для меня все... даже ценник на кофе. Я не собиралась ничего покупать. У меня с собой даже нет денег. А если бы и были...

Почесав зубы языком, пришелец спрашивает, глядя на меня сверху вниз:

– Что тебе взять?

Молчу, подняв на него глаза.

Мне?..

Его низкий грудной голос посылает по рукам мурашки. Голубые глаза смотрят спокойно и без особых эмоций. Его нос обгорел. В октябре?

Мне кажется, будто лицо у него уставшее. И... молодое, даже несмотря на тёмную густую щетину. В живот стекает что-то горячее, когда вспоминаю растительность внизу его мускулистого живота. Щёки мгновенно вспыхивают. Я не знала, что умею так краснеть. Обычно я... вообще никак не реагирую на окружающих.

– Взять мне? – Стягиваю с головы капюшон.

Голос звучит тонко и глупо.

Положив руку на прилавок, он достаёт из кармана телефон, кивая:

– Ага.

– Латте... – неуверенно говорю ему.

– Латте, а мне как обычно, – обращается он к парню за прилавком.

Постукивая по прилавку пальцами, снова погружается в свой телефон.

– Как подписать? – спрашивает парень.

Подняв на него глаза, мужчина непонимающе молчит.

Подумав секунду, всё же бросает:

– Айза.

Моё сердце останавливается. От того, как он произнёс моё имя. Варварски проглотив последнюю букву.

Он меня узнал. И запомнил моё имя.

– А ваш? – обращается к нему бариста.

Мужчина выгибает тёмные густые брови, глядя на парня.

– Максут... – тихо говорит мой рот.

Голубые глаза вскользь касаются моего лица, а потом дают парню сигнал действовать.

На стойку опускается картонный держатель, а потом два стакана. Большой – с именем “Айза” и маленький – с именем... “Максут”.

Он подхватывает “наш” кофе и разворачивается к выходу. Содрогающая посуда, пересекает кофейню.

Как привязанная, трогаюсь следом.

– Заходи ещё, Айза, – летит мне вслед.

Оборачиваемся оба.

Парень смотрит на меня, опустив подбородок. Переводит глаза выше моей головы и берётся за полотенце, отвернувшись.

Толкнув дверь рукой, Максут пропускает меня вперёд, занеся вверх стаканы.

Выхожу, подняв на него глаза. Он смотрит вперед и выходит следом, отпуская дверь.

Солнце сияет ещё ярче, чем раньше. Утренний туман рассеялся, а движение на проспектах утроилось. Так тепло. Просто аномально...

У кофейни припаркован большой чёрный джип.

Обойдя меня и не коснувшись даже одеждой, Максут просовывает руку в задний карман джинсов, доставая из него ключи. Семеню следом, пытаюсь смотреть вверх, но глаза почему-то приклеились к этому карману и тому, как свободно сидят на нём эти джинсы...

– Подвезти? – бросает он через плечо, открывая водительскую дверь.

Киваю, переминаясь с ноги на ногу.

Глава 5

Максут

Пару минут наблюдаю за тем, как девчонка пытается справиться с кофейным стаканом, потом забираю его и вскрываю пластиковый язычок, делая прорезь, из которой можно пить.

– Держи, – говорю, возвращая ей стакан.

По всей видимости – это её первый кофе.

В Центре я насмотрелся всякого, так что уже ничему не удивляюсь.

Я даже не удивляюсь тому, что уже больше года служу сторожевым псом для оравы обездоленных женщин и детей, вроде этой. Работа не такая простая, как может показаться. Не говоря уже о том, что в доме находится жена человека, который в течение последнего года был самой главной мишенью для всего города. Заказать Марата Джафарова в этом году не успел только ленивый. Мира Джафарова – это и есть моя работа. Все остальное – личная инициатива.

Распахнутые карие глаза смотрят на меня, а потом на стакан. Тонкая кисть с выпирающими косточками выныривает из рукава моей толстовки и забирает стакан с тихим и невнятным:

– Спасибо...

Моя толстовка сидит на ней так, будто в неё завернули зубочистку. Восемнадцать я дал бы её с большой натяжкой. Сегодня она выглядит лучше, чем в тот день, когда чуть не пропахала бледным носом паркет холла. Милое лицо, большие карие глаза, вздёрнутый нос и пухлые маленькие губы. В ушах огромные кольца, судя по грязному серебрянному блеску – липовые. Волосы

собраны в тугую косу, спрятанную под толстовкой. Две худых ноги в синих лосинах и стоптанных кроссовках венчают образ.

Нужно проверить того парня из кофейни. Такая, как эта Айза, найдёт проблемы быстрее, чем успею щёлкнуть пальцами. У неё на лице красными буквами написано, что наивнее человека нет в радиусе пятидесяти километров. Я не знаю, откуда конкретно она взялась, но пока она не уберёт с лица эту надпись, лучше бы ей вообще из дома не высовываться.

Двумя глотками выпиваю свой эспрессо, чтобы не вырубиться прямо на ходу. Сняв стакан, кладу в подстаканник.

Последняя командировка растянулась на неделю. Шесть перелётов за три дня. Спасение заложника в Судане. Так далеко наш отряд ещё не забрасывало. У меня в багажнике лежит снайперская винтовка. С таким грузом разгуливать по городу не стоит.

– Пристегиваться умеешь? – спрашиваю, заводя мотор.

– Умею...

– Пристёгивайся. – Киваю, осматриваясь в боковые зеркала.

Выезжаю на проспект, протирая рукой глаза.

Мне нужен сон.

Телефон звонит. Быстро достаю его из кармана. Посмотрев на последние цифры номера, отвечаю сразу:

– Да, Булат.

– Твои документы готовы. Забери, – сообщает правая рука моего босса.

Чёрт.

– Сейчас? – вздыхаю я.

– Если не хочешь таскаться с винтовкой, на которую нет документов, то да.

Мои документы сегодня просрочены. Я с дымом в ушах успел пересечь границу, возвращаясь домой.

Почти десять утра. Город стоит, как вода в болоте. Хочется захныкать.

Бросив взгляд на свою пассажирку, говорю:

– Скоро буду.

Нажимаю отбой, спрашивая:

– Ты спешишь?

Она реагирует не сразу, продолжая с любопытством смотреть в своё окно. Сжав кофейный стакан двумя ладонями, делает глоток.

Повторяю вопрос.

– Ммм?.. – поворачивает темноволосую голову, размером с мой кулак.

Карие глаза доверчиво заглядывают в мои.

Вот. Вот об этом я и говорю.

Наивность первой чистейшей пробы.

– Ты спешишь? – повторяю свой вопрос в третий раз.

Слегка нахмутив тёмные ровные брови, отрицательно качает головой.

– Заедем в одно место, – говорю, быстро меняя полосу. – Не против?

– Нет. – Опускает глаза.

Её будущему мужу повезёт, чего не скажешь о Мире Джафаровой и её сестрице Тинатин. Последней вообще забыли зачатки смирения в гены зашить. Надеюсь без меня она не наворотила дел. Последний раз, когда подвязался на её авантюру, мне пришлось сломать нос одному ублюдку, чтобы мы смогли вывезти из его дома жену с двумя детьми. Ублюдок оказался сыном городского прокурора, о чём Тина забыла меня предупредить.

Толкаясь в утреннем трафике, добираюсь до высотки Джафаровых за восемнадцать минут. Паркуюсь на втором уровне подземной стоянки тридцатидвухэтажного небоскрёба, и смотрю на девицу.

Она сидит всё так же тихо, как мышка.

Оставлять её одну в машине не хочется. Хотя уверен, если велю, будет сидеть.

Взвесив все за и против, говорю:

– Пошли.

Ставит стакан в подстаканник и отстегивает ремень, не задавая лишних вопросов.

Почесав пальцем лоб, наблюдаю за тем, как путаясь в толстовке, девчонка выбирается из моего внедорожника. Если упадёт, рассыпется на пару сотен костей.

– Погоди... – вздыхаю, выходя из машины и забирая стакан, чтобы не разводить в машине бардак.

Огибаю капот и подхватываю её локоть, помогая спрыгнуть на пол.

Её голова крутится во все стороны, пальцы хватаются за мой бицепс.

Положив руку на хрупкий затылок, веду нас к лифтам.

Решаю оставить её на тридцатом этаже, два этажа выше для частного пользования.

Когда двери открываются, легонько подталкиваю вперёд, говоря:

– Там справа смотровая площадка и кафе. Возьми что хочешь, я оплачу, когда вернусь.

Выйдя из лифта, она разворачивается и смотрит на меня тревожными распахнутыми глазами. Оглядевшись по сторонам, обнимает себя руками и лепечет:

– Когда вы... ты... вернёшься?

– Через пятнадцать минут. – Нажимаю следующий этаж.

Она ловит мой взгляд и не отпускает до тех пор, пока не закрываются двери.

Добравшись до офиса Булата, нахожу там своего босса – Аида Джафарова.

Он любит чем-то на мониторе ноутбука, вытянув перед собой ноги и попивая кофе. Такое положение вещей говорит о том, что Марат Джафаров где-то поблизости, иначе Аид не был бы таким расслабленным, потому что он начальник его охраны. Его и всего, что Марату принадлежит, включая Миру Джафарову.

Подняв на меня глаза, спрашивает:

– Как прошло?

– Удачно, – киваю я.

Он кивает на синюю папку, лежащую перед ним.

– Спасибо, – благодарю его.

Моя выездная работа не имеет никакого отношения к Джафаровым. Это отголоски прошлой контрактной службы. За эти отголоски мне очень хорошо платят, потому что заложники – мой волшебный талант.

– Нужен совет, – говорит Аид, разворачивая ко мне ноутбук.

Усмехаюсь. Так бы сразу и сказал. Снимаю куртку и разворачиваю к себе ближайший стул, седлая его.

Солнце за панорамным окном офиса уходит “за полдень”, когда выхожу от Аида.

Разминая шею, спускаюсь на парковку.

Поесть и поспать – моя целевая установка.

Протерев лицо ладонями, завожу мотор и выезжаю со стоянки.

Солнце лупит прямо в глаза. Достаю из кармана куртки очки и откидываю голову на подголовник, встраиваясь в среднюю полосу.

Дорога до дома занимает почти тридцать минут. Дерьмовее развязок я не видел нигде и никогда, и ведь ещё не выпал снег. Зимой передвигаться по городу может только человек с железными нервами и железными яйцами.

Припарковав машину, глушу мотор и собираюсь выйти, когда вдруг понимаю: что-то не так.

Соображаю ровно секунду.

Сердце дёргается, толкая по венам адреналин и адскую панику.

– Блять! – Врубаю старт кнопку и быстро пристёгиваю ремень.

Айза.

Глава 6

Максут

Я практически уверен в том, что она будет сидеть там, где велено, и не рыпаться. Но это не отменяет того, что я настоящая скотина.

– Дерьмо.

Я не смог бы ехать быстрее, даже если бы ехал по тротуару. Потому что город будто прорвало. Люди сыпятся на пешеходные переходы, как семечки. Аномально тёплый день помноженный на выходной.

Я никогда не вожу машину как псих. Потому что спешка – самый дерьмовый союзник в абсолютно любой ситуации.

Сжав пальцами руль, терпеливо жду, пока расчистится дорога, и двадцать шесть пешеходов уберутся к чертям собачьим с моего пути. Не дожидаясь, пока ещё одна партия ринется вперед, жму на клаксон и давлю на газ. Комбинация моих номерных знаков сообщит любому правоохранителю о том, что тратить мое время не стоит.

Вернувшись на подземную парковку, быстро выхожу из машины и ставлю её на сигнализацию.

Чтобы добраться до тридцатого этажа приходится сделать одну пересадку, и я точно знаю, что она не запомнила дорогу. Все время, пока мы поднимались, девчонка считала ворон и хлопала глазами...

– Вам какой? – спрашиваю нетерпеливо двух офисных брюнеток, посмотрев через плечо.

Ловлю смущенный взгляд на своей заднице, и ещё один на своём лице.

– Этаж? – резко поторапливаю их.

– Шестнадцатый... – краснеют обе.

Нажимаю, отворачиваясь. Кладу руки на бёдра, гипнотизируя табло.

Быстрее, твою мать...

Только никуда не денься, чёрт тебя дери.

За моей спиной гробовая тишина. Я не обижаю женщин и детей, но это как раз тот эффект, на который я рассчитывал. Сегодня женщина мне не пригодится. Все, чего я хочу сегодня – принять душ, поесть и уснуть.

Разминаю шею, глядя в потолок.

Перед глазами стоит взволнованное лицо моей потери. Если с ней что-нибудь случится – откручу себе башку. Отхожу в сторону на шестнадцатом, ловя прощальные смущенные взгляды. Гурьба из шести человек заполняет лифт, потому что в спешке я выбрал общий, а не служебный.

К тому времени, как добираюсь до тридцатого, теряю последнее терпение. Растолкав людей плечом, вываливаюсь в холл и быстро сворачиваю направо.

Помещение кафе переполнено. Заняты почти все столы, и я её не вижу...

Выругавшись, прохожу зал насквозь. Попадаю в стилизованную под маленькую Венецию зону отдыха и резко меняю направление, когда вижу одинокую фигурку на скамейке у бутафорской гондолы.

От облегчения вслух благодарю Бога.

В животе внезапный узел, потому что она выглядит чертовски трогательной в этой долбанной толстовке, в которой прячется и кутается, пристроившись на самом краю сидения. Голова опущена. Запрятанные в рукава ладони лежат на коленях. Подхожу осторожно, чтобы не напугать. Это лишнее, потому что на внешние раздражители она никак не реагирует, глядя в пространство. Изучаю профиль с тонкими девичьими чертами, проводя рукой по волосам и лицу. Осматриваю с головы до ног, убеждаясь в том, что всё на месте.

Обхожу скамейку и опускаюсь перед ней на корточки, заглядывая в лицо.

Встрепенувшись, Айза вскидывает глаза, и первое, что я в них вижу – облегчение.

Такое, с которым не сравнится моё собственное.

Получаю очередной пинок в живот.

Чёрт...

На тонкой нежной коже проступает румянец. Блестящие карие глаза кажутся очень яркими. Все это выглядит так, будто ее лицу возвращаются краски.

Она смотрит в мои глаза, распахнув свои и не моргая.

“Красивая”, – отмечаю, давая ей минуту.

Маленький пухлый рот поджимается.

Следующее, что я вижу на ее миловидном личике – обида. Такая, что я хмурюсь, понимая – в своей головке она сделала какие-то неправильные выводы относительно меня и всей этой тупой ситуации.

Что она там себе напридумывала?

Параллельно вдруг понимаю, что характер у этой мышки – дерьмо. И ещё какое.

Посмотрев сквозь меня и задрав подбородок, она тихо говорит:

– Пожалуйста, отвезите меня домой.

Мы снова перешли на «вы».

Что ж. Я заслужил.

Мне хочется протянуть руку и обхватить пальцами этот округлый подбородок, чтобы заставить смотреть на себя и объяснить, что я, черт возьми, никогда бы не заставил ее четыре часа проторчать здесь без причины.

Айза вскакивает на ноги, по прежнему глядя сквозь меня. Будто я, как человек, вдруг перестал для неё существовать, и она мечтает поскорее от меня избавиться и, по возможности, больше никогда не видеть. Будто разочарована во мне в самых дерьмовых смыслах. Вот как все это выглядит. И внезапно меня это не устраивает.

Выпрямляюсь, рывком перехватив её за локоть.

Разворачиваю к себе, спрашивая:

– Ты что-нибудь заказывала?

– Нет. – Вырывает руку, глядя на меня снизу вверх.

Её макушка еле достаёт до моего плеча.

– Почему? – Смотрю в карие глаза так, чтобы усмирить и напомнить, кто здесь старший.

Когда она родилась, я уже точно знал, кем хочу быть. Когда она родилась, мне было пятнадцать, и я был лучшим стрелком в Республике.

Ее красивый ротик по-прежнему сжат, нос задран.

– Мне не принесли меню, – с достоинством сообщает она.

Моя челюсть напрягается.

– За четыре часа? – рявкаю я.

Сглотнув и отведя глаза, кивает.

Осматриваюсь, глубоко вздохнув. При такой толкотне – не удивительно. А если учесть её робкие повадки, не удивительно вообще.

– Ты голодная? – Снова смотрю на девчонку.

Глядя в пол, говорит:

– Просто... отвезите меня домой...

– Я спросил, голодная ли ты?

Молчит, глядя в сторону.

Все же захватываю пальцами маленький подбородок, чувствуя тонкий каркас костей и нежность матовой кожи.

Заставляю смотреть на себя, по слогам проговаривая:

– Айза, я пришёл, как только смог.

Вру спокойно и уверенно. Я могу рассказать полиграфу целые баллады вранья вообще не напрягая мозги. И я совершенно точно не собираюсь сознаваться в том, что тупо про неё забыл.

Подбородок в моей ладони начинает дрожать. Тонкая шея дергается, когда она сглатывает.

Вот черт...

Да она испугалась до смерти.

Думала, я не приду? Просто брошу здесь?

Ее личико становится таким беззащитным, что у меня скручивает нутро.

– Извини, – говорю мягко, поглаживая щёку большим пальцем. – Мир?

Шмыгнув носом, кивает.

Вот и славно.

Глава 7

Айза

Глядя на желтый солнечный день за окном машины, складываю руки под грудь, ёжась от холодка, гуляющего по коже.

– Ммм? – поворачиваю голову на звук низкого мужского голоса и натываюсь на пристальный взгляд ярких голубых глаз.

Чуть повернув голову, Максут смотрит на меня из-под козырька своей бейсболки.

– Замёрзла? – повторяет он вопрос, всматриваясь в моё лицо так, будто собирается прочесть мои мысли.

Киваю, передергивая плечами.

Снова глядя на дорогу, Максут нажимает кнопки на руле, и мне в лицо мягко бьет поток тёплого воздуха.

У меня чувство, будто я промёрзла изнутри. За неделю не избавлюсь от этого мерзкого холода. Просто я омерзительная трусиха, вот и всё. Это плюс ко всем другим моим порокам, о которых я уже говорила.

Зажав ладони между колен, бросаю осторожный взгляд на водителя.

Он держит руль одной рукой, а вторую положил на своё огромное бедро.

Мои глаза прилипают к его ладони и не желают отлипнуть.

Эта ладонь выглядит так, будто могла бы свернуть мне шею пощечиной.

Он военный?

Мой отец военный. Как и все его братья. Я такое ни с чем не спутаю.

Куртка Максута расстегнута, а под ней белая футболка и выпирающие мышцы груди. Сила сочится буквально из каждого куска его тела. Каждый кусок, открытый моему глазу, выглядит гранитным. А его машина будто сделана для него на заказ. Внутри она кажется даже огромнее, чем снаружи. В неё не просачивается ни один звук с улицы. Вообще ничего. Будто мы в аквариуме.

Откинувшись на спинку глубокого кожаного кресла, снова смотрю на город.

Из салона этой машины все выглядит не таким уж враждебным. Не таким чужим.

Покосившись на красивый профиль рядом, ладонью разгоняю побежавшие по предплечью мурашки.

Ладно, машина здесь не причём.

Мой подбородок покалывает. Прямо в том месте, где его касались грубоватые загорелые пальцы.

Я понятия не имею, о чём с ним говорить.

Я вообще не знаю, о чём говорить с... мужчинами. Максут, он мужчина настолько, что я со стыдом думаю о всяких там вещах...

На его пальце... нет кольца. Он... женат? У него есть дети? Сколько ему лет? Он живет в этом центре? Значит, я ещё увижу его?

Мысль о том, что у него где-то есть жена, вдруг ужалила прямо в печеньку. Я вдруг пропиталась неприязнью к этой женщине, если она существует... какая-то женщина, которая имеет на него какие-то права...

Наверняка, красивая.

Как такой мужчина обращается со своей женщиной?

У меня по хребту ползут мурашки, потому что у меня вообще-то отличное воображение, и от него у меня напрягается низ живота. Я не знала, что моё тело так умеет.

Прекрати!

– Чтобы ты стала делать, если бы я не пришёл? – вдруг спрашивает Максуд, прерывая мои ненормальные мысли.

Его взгляд направлен вперед, но он совершенно точно ждёт моего ответа.

Хмурюсь и смотрю в окно, за которым вдруг резко изменилась погода: солнце закрыла туча, и порыв ветра швырнул в стекло капли мелкого дождя.

Если бы он не вернулся?

Я понятия не имею, что стала бы делать.

Я сидела там и думала о том, что я не знаю, что мне делать. Я не знаю, где он был всё это время, чёрт возьми, но я была уверена в том, что случилось что-то серьёзное. А когда он пришел, я вдруг поняла, что ничего серьёзного не случилось! От обиды мне хотелось разрыдаться.

Он извинился.

Однажды мой отец отрезал мою косу под самый корень. За то, что я вышла за стол непричёсанная. Я рыдала так, что собиралась умереть. Только две пощёчины от матери смогли привести меня в чувства.

Мой отец никогда перед нами не извинялся. Никогда!

Если бы он не вернулся?

Возможно, я пошла бы в туалет и утопилась в умывальнике!

Без денег и телефона... я не знаю даже адреса нашего убежища! Я даже не знаю, как это место называется. Потому что в моей жизни все решения за меня принимала моя мать. Никто никогда не принимал в расчёт мое мнение. Ни по одному вопросу. Никогда. Я будто щенок, которого все хотят ткнуть куда-нибудь носом. По крайней мере, раньше мне было проще с этим жить, но сегодня чувство собственного идиотизма чуть не раздавило меня, как безмозглую лепёшку.

– Я не знаю... – отвечаю наконец-то, чертя на стекле маленькую звезду.

И это чистейшая правда.

– А ты подумай, – спокойно, но настойчиво советует Максут.

Смотрю на него. Он смотрит на меня, почёсывая пальцами колючий подбородок.

– У меня с собой ничего нет, – признаюсь ему.

– Больше никогда не выходи из дома “без всего”, – резковато требует мужчина. – Особенно, без телефона.

Смотрю на него, хлопая глазами и лепеча:

– Я... его потеряла. Недавно...

– Так каковы твои действия? – Смотрит он на дорогу.

Вздохнув, неуверенно говорю:

– Я бы... попросила помощи...

– Помощь тебе не помешала бы, – кивает он. – У кого бы ты стала её просить?

Это сложный вопрос.

Для меня заговорить первой с посторонним человеком – это как хлебнуть кислятины. Подумав секунду, тихо прошу, взглянув на него:

– Можно мне просто узнать правильный ответ?

Бросив на меня быстрый взгляд, он выкручивает руль, говоря:

– Правильный ответ заключается в том, что ты должна была сидеть и ждать меня. Потому что я вернулся бы за тобой в любом случае. Но если бы тебе вдруг захотелось послать меня к чёрту, ты должна была бы найти пост охраны, он есть почти на каждом этаже.

– Я не могла знать, что вы обязательно вернётесь...

– Теперь знаешь.

Фыркая, улыбаясь, а потом вытягиваю шею, потому что машина тормозит перед огромным рестораном в виде замка с тремя башнями.

Глава 8

Айза

Теплая пряная жидкость проходит сквозь меня, оседая в желудке приятной тяжестью. Кончики моих ушей горят, но вслед за второй ложкой быстро отправляю в рот третью, а за ней четвертую...

– Ммм... – выдыхаю восхищенно, соскребая со дна тарелки остатки.

– Хочешь ещё?

Поднимаю глаза и отрицательно мотаю головой. Максут скептически выгибает бровь. В свете всего окружающего нас хрусталя они такие яркие, его глаза...

– Ты чуть тарелку не съела, – замечает мужчина, продолжая усиленно работать челюстями.

Моё горло покидает смешок. Уголок его губ ползёт вверх.

От этого намёка на улыбку по телу растекается дикий трепет, а рот разъезжается в ответной улыбке. Его глаза задерживаются на моём лице, от этого сердце делает рывок, а улыбка стекает куда-то в живот.

Он смотрит целые секунды...

Смотрит на меня. И как будто... видит меня.

– Я сыта, – говорю ему тихо.

– Уверена? – С иронией тянет Максут, возвращая внимание своему гигантскому обеду, состоящему из целого килограмма индюшатины и риса.

– Да... – бормочу, с опаской озираясь по сторонам.

Я чувствую себя крошечной в этом огромном месте. Крошечной и лишней. Я знаю, что больше никогда здесь не побываю, и это толи огорчает, толи радует...

Я и сама уже не знаю.

Последние полчаса я, кажется, забыла кто я вообще такая.

На стойке при входе чёрными буквами написано: “Ресторан «Башня».

Я помыслить не могла, что где-то в городе может существовать что-то подобное.

Бесконечный зал весь в цветах и мятно-белых тонах. Мебель резная, кресла обиты расшитой тканью. На потолке хрустальные люстры, на стенах деревянные панели с невообразимыми светильниками. На вилках, ложках и ножах буква “Д”, обведённая кругом. В меню... в меню нет цен. Я не до конца идиотка, поэтому представляю, почему.

И здесь народу полно! Кажется, нас вообще пускать не хотели. Из-за того, что мы, я и Максут, мы оба в кроссовках, а мои на фоне всего этого мрамора выглядят так, будто я в них перебралась через горы.

Здесь все мужчины в деловых костюмах, а женщины, они разные. Выглядят независимыми и... богатыми. Другими.

Кусаю губу и смотрю на Максута.

Он расслаблен и абсолютно спокоен. На его челюстях ходят желваки. Мне кажется, что за те часы, которые мы не виделись, темная щетина на его щеках стала ещё гуще, а сам он... ещё красивее...

Он снял куртку и бейсболку. Белый хлопок футболки сидит на нём идеально, натягиваясь на широких плечах и груди. Мощные руки покрыты темными волосками и венами, на шее жилы и выпирающий кадык. Он широко развел под столом колени, чтобы не задевать мои ноги, потому что у нас столик... на двоих.

– У вас есть дети? – выпаливаю, глядя в раскрашенный потолок.

– Хватит “выкать”, – бросает он. – Нет, у меня нет детей.

– О, ясно... – бормочу я, краснея с головы до ног. Смотрю на него исподлобья, вцепившись пальцами в свои колени. – А... эммм... жена?

Мне хочется зажмуриться.

Проведя языком по зубам, Максут медленно поднимает на меня глаза. Они изучают меня некоторое время, и мне хочется умереть от смущения.

Сердце останавливается, как и дыхание. Откашлявшись, смотрю в свою тарелку и тереблю кончик косы, лежащей на плече. Держусь за неё, как за спасательный круг...

– У меня нет жены. – Слышу его подхриповатый низкий голос.

Доставшийся такими трудами ответ не сразу проникает в мой мозг. Моё сердце снова бьется, и над губой появляется испарина.

Я боюсь на него смотреть, поэтому продолжаю смотреть в тарелку.

– Какие люди, – слышу справа и поворачиваю голову.

Натыкаюсь на слегка удивленные карие глаза. Они смотрят то на меня, то на Максута. Темные густые брови ползут вверх и мелодичный голос говорит:

– Привет, Айза.

– Привет... – улыбаюсь натянуто.

Это Тина! Хозяйка нашего центра. Так сказала моя мать. Тина, она навещала меня один раз. Когда я болела, она пришла ко мне и принесла фрукты. И она выглядит соответственно этому месту. В своём строгом костюме и шелковой блузке. Тонкий аромат её духов повисает над столом, застревая в моём носу.

– Я не знала, что ты вернулся, – обращается Тина к Максуту.

Они... что... они вместе?

В груди закручивается узел из ужасного разочарования и уныния, будто меня накрыло чёрной тучей!

Она такая яркая и энергичная, как и в тот день, когда я увидела её впервые. В тот день, когда я хлопнулась в обморок.

– Ага, я вернулся, – отзывается Максут, возвращая внимание своему обеду.

– Можно тебя на минутку? – деловым тоном просит Тина, кладя руку в карман своего пиджака.

– Сейчас?

– Да, сейчас.

– Я ем.

– Я заметила, – любезно кивает она.

– Тогда дождись своей очереди, – раздражается он.

– У меня нет времени.

– У тебя никогда его нет.

– Одна минута.

Чертыхнувшись, Максут встаёт, говоря:

– Сейчас вернусь.

Наши глаза встречаются, и он сужает свои. Потому что мы подумали об одном и том же. О том, что нечто подобное я сегодня уже слышала.

Изобразив улыбку, киваю и отворачиваюсь.

Чувствую его взгляд на своей щеке.

– Айза, – мягко, но достаточно громко говорит Максут.

– Да? – отзываюсь, упрямо глядя перед собой.

– Сейчас поедem домой, – обещает он над моей головой.

– Хорошо, – шепчу я.

Мне не хочется домой. Но он и так потратил на меня кучу своего времени. Думаю, у него есть дела поинтереснее, чем... проводить своё время со мной.

Повернув на миллиметр голову, слежу за тем, как Максут медленной походкой идёт вслед за Тиной, размашисто переставляя свои длинные ноги.

Зажав ладони между колен, глубоко и рвано вздыхаю.

Если бы я могла собрать свои мысли в кучу и описать их двумя словами, сказала бы, что это самый настоящий день во всей моей жизни. А еще я сказала бы, что мечтаю о внимании Максута к себе.

Какая дурь...

Я мечтаю о его внимании к себе. Как о внимании мужчины к женщине...

Я хочу, чтобы он смотрел на меня, как на женщину!

И сейчас больше, чем чего-либо, я этого внимания боюсь. Потому что я не знаю, что делать с вниманием мужчины. Тем более такого, как Максут.

Глава 9

Айза

Если сегодня утром было бабье лето, то оно закончилось.

От солнца остались тени, а по лобовому стеклу барабанят крупные капли дождя.

К тому времени, как добираемся до дома, дворники работают на полную мощность, за окном стало темнее. И холоднее, чувствую даже на глаз.

Максут ведёт машину молча и сосредоточенно.

Он сказал “домой”, значит мы живём в одном месте?

Как и Тина.

Огромная приборная панель светится таким количеством огней, что я с трудом нахожу глазами электронные часы.

Почти пять вечера.

Если бы я знала, что случится со мной, когда вышла утром на улицу... вышла бы ещё раньше!

Я не узнаю ничего вокруг. Не узнаю даже когда Максут останавливает машину у тротуара рядом с чёрной кованной оградой. Заглушив мотор, он отстёгивает ремень, кладёт руку на руль и осматривается в зеркала. Я тоже отстёгиваюсь и осматриваюсь.

Поворачиваю голову и смотрю на него. Внутри поднимается дурацкое возбуждение. Мои глаза, как два блюда, но мне почему-то весело. Мы же не можем сидеть в машине вечно! Рано или поздно нам придётся выйти в этот ливень.

Максут смотрит на меня и качает головой. И я смеюсь.

– Дорогу найдёшь? – спрашивает он, улыбаясь.

– Эммм... – кручу я головой, пытаюсь найти ответ на этот вопрос.

Понятия не имею. Разве в таком ливне можно найти хоть что-нибудь?!

– Ясно. Сиди. – Застёгивает он свою военную куртку под самое горло.

Беру с широкой панели его бейсболку и протягиваю.

Забирает и водружает на голову.

Наблюдаю за его сборами, продолжая хихикать.

Осмотревшись ещё раз, он быстро выпрыгивает из машины, пустив в салон брызги дождя и порыв ледяного ветра.

Упершись ладонями в его опустевшее сидение, выворачиваю голову следом. Максут трусой огибает машину и открывает багажник.

Через секунду крышка хлопает, и большая размытая фигура вырастает перед моей дверью.

Набрасываю на голову капюшон, готовясь к безумному марш-броску.

– Руку! – командует он, распахнув дверь.

Хватаюсь за его ладонь и опираюсь на предплечье, с визгом ныряя в дождь.

На его плече висит здоровенный длинный чехол защитного цвета. Я точно знаю, для чего нужны такие чехлы. Это винтовка.

– Живо! – кричит он, разворачивая меня направо и толкая вперед.

Встряхнувшись, несусь по тротуару, обеими ногами утопая в лужах по самую косточку.

Визжу и смеюсь, когда мои ноги отрываются от земли, а вокруг рёбер обматывается стальная ручища. Поджимаю ноги, болтаясь на боку Максута, пока он в несколько огромных шагов достигает крыльца дома, захватив и меня по пути.

Перепрыгнув через все ступеньки разом, он резко тормозит, приседая и ставя меня на пол.

Прижимаюсь спиной к двери и скидываю капюшон. Вокруг нас сумасшедшими потоками бушует дождь, и мы оба мокрые с головы до ног.

Трашу руками, пытаюсь отдышаться и отсмеяться.

Максут отряхивает куртку, с весельем бормоча:

– Чёрт...

С козырька его бейсболки капает вода. Я не вижу его глаз, а только заросшую щетиной челюсть. Но я уже знаю, что в этом дожде его глаза будут яркими, как бриллианты.

– Возьми в кармане ключ, – кивает он на верхний нашивной карман, разводя руки и сбрасывая с плеча чехол. Протягиваю свою и запускаю пальцы в его карман.

Дую на замёрзшие руки, и вставляю ключ в замок.

Вваливаемся в дом, оставляя повсюду лужи. Мои зубы начинают стучать, по спине ползёт озноб, но впервые в жизни мне плевать на холод, который я ненавижу даже больше своего отца.

Максут быстро закрывает за нами дверь, забирая из замка ключ.

Под толстовкой высвобождаю одну, а потом вторую руку. Он пристраивает чехол к стене и берётся за свою куртку, отбросив бейсболку на банкетку. Стягиваю толстовку через голову, оставаясь в лосинах и футболке.

Роняю её на пол, отбрасывая за спину косу и протирая предплечьем лицо.

Максут бросает на меня быстрый взгляд, и... отворачивается, стряхивая на пол свою куртку. Соприкоснувшись с полом, она лязгает так, будто с потолка свалился бетонный блок.

Смотрю на себя сверху вниз и в панике прижимаю локти к груди, потому что на мне нет лифчика и мои соски...

– А, нашлась, – раздается за спиной Максута, и мы обо оборачиваемся.

Шикарная Лаура всплывает в холл, медленно покачивая стройными бёдрами.

Её глаза проходятся по телу Максута. По каждому сантиметру, облепленному мокрой футболкой. Так беззастенчиво и нагло, что я приоткрываю рот. Она смотрит в его глаза, улыбаясь, как блудливая кошка и также говорит:

– Привет.

У меня в горле собирается горечь, которую хочется сглотнуть.

– И тебе, – отзывается он.

В один момент холл заполняется людьми.

Женщинами и детьми. Все смотрят на меня, а потом из брюха этой мешанины вырывается моя мать.

Её обезумевшие глаза бегают по мне, и я делаю шаг назад, натываясь на банкетку.

– Что ты со мной делаешь?! – орёт она, подлетая ко мне и трясая мои плечи. – Что?!

Онемев, смотрю на неё в панике.

Её ладонь взмывает в воздух и обрушивается на мою щеку. С такой силой, что голова отлетает назад. Вторую щеку обжигает ещё одна пощёчина, развернув мою голову в другую сторону.

Мои щёки горят так, что мне кажется, будто лицо сейчас взорвётся!

К глазам подкатывают слёзы обиды. На неё! За то, что сделала это. При всех этих людях. При... Максуте.

Сбросив с плеч её руки, вклиниваюсь в толпу, не глядя по сторонам.

Взбегаю по лестнице, умирая от стыда.

Ворвавшись в комнату, прижимаю руки ко лбу, делая рваный вдох.

Залетаю в ванную и закрываю за собой дверь, провернув замок три раза.

Упершись руками в умывальник, смотрю на своё лицо с красными отметинами на щеках.

По ним текут слёзы.

– Открой! – требует она, барабанив в дверь.

Плещу в лицо холодной водой, наступая носками мокрых кроссовок на пятки.

Ложусь в пустую ванную, свернувшись клубком. Пытаюсь слышать дождь за маленьким окном. И, кажется, слышу. Или это шум моих собственных ушей?

– Открой дверь!

Закрываю глаза, тихо напевая себе под нос.

Глава 10

Максут

Положив ладонь на выставочный стенд, внимательно слежу за картинкой, движущейся по дисплею компьютера.

– Эта – многомерная. Моя любимая. – Ласково комментирует консультант, меняя угол обзора на экране, используя свой планшет. – Видите, реагирует на движение.

Висящая рядом с моей головой камера видеонаблюдения щёлкает и поворачивается вслед за его рукой.

Неплохо.

Киваю, спрашивая:

– Что с детализацией?

– Детализация стопроцентная, – передает мне планшет. – Попробуйте сами.

Веду пальцем по дисплею, разворачивая камеру, и навожу на информационное табло в десяти метрах от себя.

– Расстояние? – спрашиваю, увеличивая картинку.

– До восьмидесяти метров.

– Ночью?

– И ночью, и в дождь, и в снег. Чумовая малютка.

– Согласен, – усмехаюсь ему.

Китайцы совсем без тормозов. Даже я за ними не поспеваю.

Почёсываю нос, прикидывая варианты.

– Мне нужно четыре, – говорю ему, возвращая планшет. – С полным набором кабелей и ПО (прим. автора – программное обеспечение).

– Не пожалеете! – воодушевляется консультант. – В наличии две. Остальные довезут на следующей неделе.

– Сгодится. – Достаю бумажник.

Пора провести апгрейд.

– Установка требуется?

– Нет, только оборудование.

На ближайшую неделю у меня никаких планов.

Последний год я только и занимаюсь тем, что убиваю время. Вероятность развития форс-мажорной ситуации в доме, набитом женщинами и детьми стремится далеко не к нулю, но по сравнению с работой в охране Марата Джафарова будем считать её нулевой. Меня это устраивает. Я не гоняюсь за адреналином. Если бы гонялся, давно был бы покойником, а подышать по тупости я не планирую.

Аид Джафаров сам нашел меня почти два года назад. Я никогда не работал в частной охране и не собирался. Тот умеет убеждать. У нас пятилетний контракт. Что буду делать дальше, не думал. Возможно, приобрету недвижимость здесь, в городе. Своего дома у меня пока нет, но он мне и ни к чему. Дому нужен хозяин, а из меня дерьмовый хозяин.

Забираю на стойке выдачи свои покупки и несу их в машину.

Второй день ноября похож на унылое серое месиво, но воздух колющий и холодный. Вторая зима в городе. Первая была похожа на летаргический сон, вторая, думаю, станет такой же, если, конечно, Марат Джафаров не придёт за своей женой.

Свалив коробки в багажник, сажусь за руль и включаю навигатор, рассчитывая объехать затор. Я в этом городе живу почти два года, и более дебильных развязок не встречал нигде. Дорога до дома занимает сорок минут, и это абсолютный, мать его, антирекорд!

У крыльца запакованная в шубу до колена Мира Джафарова собирается втащить на него синюю прогулочную коляску. На ее голове красная шапка с меховым помпоном, на руках такие же варежки. У этой женщины поразительно приметная внешность, потому что голубоглазые блондинки в наших краях почти не водятся. И это создаёт мне хренову кучу долбанных проблем.

– Дай я, – окликаю, переходя на трусцу.

Она вскидывает голову и улыбается:

– Привет!

– Ага. – Вручаю ей коробки.

Поднимаю коляску, заглянув внутрь.

Маленький принц спит в дутом комбинезоне и приоткрыв крошечный familial рот. Если с одним из этих двоих что-нибудь случится, мне можно смело вышибить себе мозги, или за меня это сделает её муж.

Затолкав коляску в дом, забираю у Миры коробки.

– Спасибо. – Достает она ребёнка, сняв шубу.

Даур Джафаров совершенно точно не в духе, потому что я слышу недовольное кряхтение.

– В следующий раз предупреди меня, – напоминаю в десятый раз.

– Я не инвалид, – фыркает она.

– А я не шарманка, – говорю через плечо.

Проходя мимо гостиной, заглядываю внутрь по привычке.

Однажды я проходил мимо и достал из-под падающего телевизора трехлетнего пацана. Не думаю, что облегчённая плазма сильно бы ему навредила, но когда возвращал его мамаше, с уверенностью назвал её овцой.

Замедляю шаг, а потом останавливаюсь.

Потому что из развёрнутого к окну глубокого бежевого кресла торчат две ноги, лежащие на комплектном пуфе.

Две ноги, одетые в синие лосины и огромные вязаные носки.

Розовые.

Глава 11

Максут

Она не попадалась мне на глаза последние два дня. Ни в обед, ни в ужин. Хотя ее психовавшую мать я один раз видел. Этот дом не настолько большой, чтобы в нем потеряться. Она что, под замком сидела?

Смотрю в потолок, вздыхая, и снова смотрю на розовые носки.

Опускаю коробки на пол у стены и прохожу через арку.

Обхожу тонкий красный ковёр, чтобы не марать. Старый паркет скрипит под ботинками. Тихо работает телевизор на стене. Дневного света в этой части дома всегда хватает, три окна комнаты смотрят запад, но сегодня пасмурно, поэтому в два часа дня хочется добавить освещения.

Обогнув диван, подхожу к креслу и заглядываю внутрь сверху вниз.

Девчонка полулежит, вытянув ноги и откинув голову на спинку.

Глубокомысленный взгляд устремлён в окно, на коленях раскрытый журнал. На ней тонкий вязаный свитер, в который она кутается, обняв себя руками, в ушах все те же серьги, а лицо у неё такое потерянное, что специально не придумаешь.

Не знаю, что это за минута скорби, но черт.

Выглядит так чертовски одиноко, что мне хочется посадить ее на колени и прижать к себе. Абсолютно тупое желание, если учитывать то, что я совсем не гожусь ей в отцы.

Мне хотелось сделать это ещё два дня назад, но я рассудил, что это только усугубит ситуацию. Я не знаю, что творится в головах у пугливых застенчивых восемнадцатилеток, но я как будто сам получил по роже, и могу представить, как это не понравилось ей.

Обойдя кресло справа, говорю:

– Привет.

Темные густые ресницы взлетают вверх. Умненькие карие глаза расширяются и проходятся по мне снизу доверху. Останавливаются на лице, потом смотрят в пол.

– Привет. – Отворачивается к окну и выпрямляется в кресле, сбросив стопы с пуфика и обхватив руками острые коленки.

В её теле всё узкое. Плечи, бедра, грудь практически отсутствует. На восемнадцать она тянет очень слабо. Кожа на вид очень нежная, без единой морщинки. И сейчас эта кожа активно краснеет на шее и щеках.

Отличный эффект, что сказать. Она со всеми такая, или только со мной?

Положив руки на бедра, спрашиваю:

– Сильно тебе досталось?

– Нет. – Хмурится, продолжая смотреть в пол.

Самая замкнутая девица из всех, что я встречал. Но это только до той поры, пока не освоится в пространстве.

– Чем занимаешься? – Склоняю голову набок вслед за ее лицом.

– Размышляю. – Смотрит на свои руки, опустив подбородок.

Я уже понял, что она не из болтливых, но такая поникшая, что моя совесть не позволяет уйти.

Посмотрев на часы, сдаюсь.

– Ты играешь в шахматы? – Расстёгиваю куртку и сбрасываю с головы капюшон.

– Я? – Косится на меня.

– Да, ты.

Вешаю куртку на спинку её кресла и подхожу к комоду, на котором хранится всякая фарфоровая дребедень, и вытаскиваю из-под горы журналов доску.

– Нет...

Наблюдает за мной, сложив руки под грудью.

Сажусь в кресло напротив, подтянув ногой пуфик. Ставлю его между нами, широко разведя колени, потому что в этой комнате вся мебель для меня мелковата. Быстро расставляю фигуры, спрашивая:

– Какие ты хочешь: белые или чёрные?

Айза поджимает под себя ноги и кладёт ладони на колени, наблюдая за моими руками, будто я долбанный волшебник.

Подумав, тычет пальцем:

– Черные.

Хмыкнув, разворачиваю доску.

Затаившись, смотрит на меня.

Черт, этот её взгляд “девичья невинность” меня доконает.

Подхватив белую королеву, протягиваю ей.

– Это королева – самая прокачанная фигура. Она может двигаться в любом направлении и на любое расстояние.

– Эммм... королева сильнее короля? – Вертит в руке фигурку.

– Да. Король может передвигаться только на одну клетку. Зато он главный.

– Почему? Если королева сильнее? – Осторожно ставит королеву на место.

– Потому что, если его захватят, игра окончена.

Протягиваю ей пешку.

– Это пешка. Она тоже передвигается на одну клетку. Не может ходить назад или вбок, если только не берет фигуру. Многие новички любят играть пешками, чтобы растечься по доске, но лучше пользоваться другими фигурами.

По всей видимости, краснеть и думать одновременно она не умеет, поэтому расслабляется, как я и рассчитывал. Голос звучит увереннее и звонче, на лице вагон энтузиазма. Вуаля, мать его. Кто убил её настроение, я не знаю, но теперь у нас все распрекрасно.

Подаю ей каждую фигуру по очереди. Объясняю правила, понятия не имея, поняла она что-нибудь или нет.

– Сыграем? – Хлопает в ладоши и смотрит на меня, сверкая глазами.

У её глаз красивый разрез. Как и у губ. Через пару лет будет выкручивать мужикам яйца.

– Ну а для чего я тут распинался? – Делаю ход пешкой и кладу предплечья на колени, сплетя кончики пальцев. – Прежде чем ходить, внимательно оцени

положение. И самое главное – не спеши.

Кивает, сосредоточенно покусывая губы, и делает ход.

Через полчаса моего терпения и советов, маленькая акула атаковала сразу две мои фигуры. Не плохо.

– Ты помнишь, в чём суть игры? – спрашиваю, откидываясь на спинку кресла и забрасывая руки за голову. – Не в том, чтобы сожрать всех моих пешек.

– Твои пешки мне мешают...

Положив подбородок на сплетённые пальцы, хмуро осматривает доску.

– Я заметил.

Айза хихикает.

Улыбаюсь и складываю руки на животе, наблюдая за глубокой работой её мозга.

– Не знаю, что делать, – признается наконец-то, подняв на меня глаза.

– Тогда доиграем в другой раз, – встаю, вращая плечами и хрустя позвонками. – А ты пока подумай.

– Когда мы доиграем? – вскидывается она. – Как запомним ходы? Давай доиграем сейчас!

– Я запомню. Собери фигуры и доску возьми с собой. Иначе дети растащат. – Забираю свою куртку, игнорируя протесты.

– Так когда? – Вскакивает она с кресла, идя за мной по пятам.

– Не знаю, может завтра...

Наблюдает за тем, как я подхватываю с пола коробки, натягивая рукава свитера на ладони и переминаясь с ноги на ногу в этих вязаных розовых недоразумениях. Осматривается по сторонам, снова грустнея на глазах.

Да, черт возьми!

– В шесть вечера у меня занятия по самообороне, – говорю, удаляясь по коридору. – Приходи.

– Куда? – летит мне в спину.

– Спросишь у кого-нибудь.

Глава 12

Айза

Я не знаю почему вечно выгляжу, как испуганный кролик.

От досады мне хочется топнуть ногой.

Глядя в свои глаза, поправляю резинку хвоста на макушке, и разбрасываю волосы по плечу. Они выются после двухдневной косы и закрывают половину моей груди. Я никогда не носила их распущенными.

Мое лицо выглядит по другому.

Но все равно по-дурацки!

Разглаживаю руками песочный вязаный свитер и отхожу от зеркала.

Я потеряла толстовку Максута.

Закрываю глаза и улыбаюсь, слушая нарастающий стук своего сердца.

Думаю, я могла бы попросить у него ещё одну.

Что-нибудь, хранящее его запах и тепло его тела.

Его тело... я знаю как работает мужское тело. Я даже представить смущаюсь, как это делает Максут. Делает ЭТО. Мои соски мгновенно напрягаются, по бёдрам стелится напряжение вперемешку с мурашками.

Боже мой.

Прячу лицо в ладони и делаю вдох.

Я не хочу оскорблять его такими мыслями, но просто не могу не вспоминать и не склеивать кусочки проведённых с ним минут в ужасно неприличную картину.

Я боюсь, что он узнаёт об этом и... это все испортит.

Нашу дружбу.

Мы ведь друзья?

Я не знаю! Не знаю.

Выйдя из ванной, снимаю вязанные розовые носки и обуваю кроссовки.

– Куда ты? – слышу сквозь стрёкот швейной машинки и оборачиваюсь, вскинув голову.

Мать смотрит на меня, остановив работу.

Над её головой горит дополнительный светильник, волосы собраны в тугую косу. У неё нет седины, но много морщинок. Но они не от улыбок.

Она ждёт ответа, устало потирая рукой шею.

Мне кажется, она никогда так много не шила. Мне кажется, последние дни она шьет без остановки. Сначала на работе, потом здесь, в нашей комнате.

Она не просит меня о помощи. Уже давно не просит.

Сегодня она купила мне телефон. Сжимаю его в своей ладони, хладнокровно решая уйти от темы. Если скажу, куда я, ей это не понравится. Ей не нравится все, чего она не понимает. Я не знаю, как говорить с ней о том, что меня волнует. Она никогда меня не слушает. Всегда отмахивается, а если и слушает, то её хватает на три минуты. За это время я даже не успеваю закончить мысль, а она просто теряет интерес, продолжая кивать.

Во мне сидит глубокая обида. Но не из-за этого, с этим я давно смирилась. А из-за того, что она сделала. Там, при всех этих людях. И я знаю, если ей захочется, она сделает снова.

– Я тоже могла бы поискать работу, – говорю, игнорируя ее вопрос.

– Какую работу, Айза? – раздражается она.

Безостановочная трескотня швейной иголки возобновляется.

– Не знаю, какую-нибудь.

– На работе работают, а не считают ворон.

– Я не считаю ворон, – говорю шепотом и выскальзываю из комнаты, прикрыв за собой дверь.

В коридоре второго этажа тёплый желтый свет, а за окном в конце коридора – первый снег.

В доме так тихо, будто все вымерли, хотя на часах только шесть вечера.

Спускаюсь по лестнице, заглядывая в гостиную. Там тоже никого. Из кухни тянет чем-то невообразимо вкусным. Свернув направо, подхожу к двери,

ведущей в подвал. За ней деревянная лестница и яркий синеватый свет электрических ламп. Спускаюсь по ступенькам и толкаю первую дверь направо. Здесь есть ещё одна, но что за ней я не знаю.

Задержавшись на пороге, оглядываю просторное помещение.

Кусаю губу, проходя внутрь, и двигаюсь вдоль стены.

Это спортзал. В одном углу куча всяких штанг, тренажеров и боксерская груша, а в другом – спортивные маты и что-то вроде маленького ринга.

Припадаю плечом к стене, и весь остальной мир перестаёт для меня существовать.

Поднеся к губам кулак, прикусываю его, чтобы сдержать рвущийся из груди смех, но он всё равно прорывается вместе с воздухом.

Боже!

И это урок самообороны?!

– Дышать не забываем... – командует Максут, подняв на меня глаза.

Я чувствую, как все, от чего я избавилась, пока добиралась сюда, возвращается с новой силой. Только теперь приправленное диким трепетом моего нутра.

Его голос отражается от стен. Они улыбаются, его глаза, как и их хозяин.

Он стоит, слегка расставив ноги и сложив на груди руки. Одетый в свободные спортивные шорты, кроссовки и... майку без рукавов... Я вижу его рёбра! И его бицепсы. Они рельефные, как гранит. Мне стыдно, так стыдно. Но глаза сами падают на то место, которое в его теле предназначено для продолжения человеческого рода. Свободная ткань шорт топорщится в этом месте, и мне становится жарко, как в аду!

Мне стыдно вдвойне, потому что пока я это делаю, у его ног в невероятных потугах отжимается куча ребятни разных возрастов!

Девочки, мальчики и один совсем крошечный карапуз.

Их лица кривятся, на лбах пот.

Две женщины, стоящие рядом, тоже улыбаются, прикрывая рты руками.

– Закончили, – хлопает Максут в ладоши.

Дети неуклюже поднимаются на ноги, красные и возбуждённые.

– Повторяем упражнение, – объявляет он, – толкнул-сместился, толкнул-сместился...

Девочка с длинным растрепанным хвостиком начинает скакать вокруг него, а потом с рычанием толкает ладонями в живот. Он отскакивает, поддаваясь, ведь всё равно, что пихать гору!

– И в сторону!

Она снова несётся на него, толкая, а потом ловко отскакивает. И опять. Его огромное тело двигается упруго и ловко, мышцы на икрах перекачиваются. На его губах играет улыбка. Все это выглядит так, будто он, черт возьми, дурачится. Но это не так!

– Команду! – требует Максут, ловко лавируя вокруг малышки.

– Стой! – врезаются в его живот детские ладони.

– Громче! А то мама не услышит! – с рычанием подстёгивает он.

Облизываю губы, улыбаясь и дергаясь.

– Стооооой! – верещит она, пихая его со всей силы.

– Сильнее!

– Стоооооой!

– Я тебя не слышу!

– Стоооооооооооооооой!

Обессиленный ребёнок шлёпается на пол, а на его место приходят другие.

И теперь они начинают скакать вокруг него все вместе.

– Толкаем! Сильнее!

– Стой!

– Стооооой!

– Стоооооой!

Раздавая указания, он гоняет их по рингу, заставляя отталкивать свои руки, прятаться за свою спину, орать “помогите”.

Все это заканчивается тем, что дети валяются вокруг него, как сбитые кегли. Утирающие красные вспотевшие лица и похожие на маленьких воинов, вышедших из смертельной битвы.

Боже...

Прижимаю ладонь к горячей щеке, боясь, что на моем лице написано абсолютно все, о чем я сейчас думаю.

Этот мужчина, он... я... мне кажется, я влюбилась...

Айза

Прижавшись к стене, пропускаю мимо толпу поникшей детворы, поглядывая на Максута, который расхаживает по залу, собирая с пола всякие спортивные штуки.

– А можно мне ещё позаниматься? – вертится у его ног взлохмоченная пятилетняя девочка. – Я ещё не устала!

Все эти дети рядом с ним выглядят, как какие-то цыплята. Будто в случае неосторожности он может случайно затоптать их своими огромными кроссовками.

Ох...

Я думаю, такое маловероятно. Я думаю, я почти в этом уверена – Максут, он ничего не делает «случайно». И ещё я просто знаю, что он никогда не навредит ребёнку. Или... женщине. Просто знаю, и всё.

– Амира! – окликает малышку молодая женщина в облегающем вязаном платье. – Мы уходим.

– Но я не устала! – капризничает та, ловко вырываясь из ее рук.

Максут наблюдает за ней с высоты своего роста, авторитетно говоря:

– На сегодня тебе достаточно.

Тяжко вздохнув, кроха кивает.

Она очень милая. Я... люблю детей. Может быть, я могла бы сидеть с детьми? В городе. Я могла бы так зарабатывать. Кто доверит мне ребёнка? Только идиот...

Собственная бесполезность сводит меня с ума. Но я просто не знаю, куда себя применить! Кажется, моя мать мучается тем же вопросом.

– Эммм... – накручивает на палец прядь своих распущенных волос женщина. – Завтра в то же время?

Её глаза шарят по его опущенному лицу и груди. На моём лбу образуется складка. Она... вся такая женственная. Молодая и...

– Нет, – поднимает Максут взгляд. – Завтра им нужно передохнуть.

– О... ясно... – кивает та, не отпуская его глаз.

Выпрямляюсь, намерено шаркнув по полу кроссовком. По залу разлетается неприятный скрип.

Максут резко поворачивает голову.

Он ведь не забыл, что сам позвал?

Проходя мимо, женщина бросает на меня сощуренный взгляд. Без стеснения и с прохладным любопытством разглядывает моё лицо, моё тело, мою обувь. Я бы никогда не смогла так посмотреть на другого человека. Это... невежливо. Поднимаю подбородок, упрямо глядя сквозь неё.

Как только за ними закрывается дверь, зал погружается в полную тишину.

Здесь тепло и пахнет резиной.

Максут подхватывает с пола похожую на термос бутылку и жадно из неё глотает, повернувшись ко мне спиной.

Не зная, куда себя деть, продолжаю вжиматься в стену.

Мои глаза следят за каждым его движением. На его спине буграми перекачиваются мышцы. Он потный. Поливает лицо водой, а потом протирает его краем своей майки, развернувшись ко мне. Резко смотрю в потолок, пытаюсь сморгнуть вид его плоского... о мамочки... прошитого мышцами живота. Там самые настоящие кубики и бугры! Глубокая впадина пупка. Именно эта деталь действует на меня сильнее других. Именно она стоит перед глазами, и вовсе не

чёрная резинка его белья над резинкой шорт и стальные косые мышцы, уходящие под неё.

Все как в тот день, и дорожка тёмных волос никуда не делась...

Айза, прекрати!

– Хочешь позаниматься? – Его голос в этой тишине звучит так, будто касается меня со всех сторон.

– Эммм... чем? – бормочу, осторожно переведя на него глаза.

Уперев руки в бока, он что-то прикидывает в своей голове. Глядя на меня и поигрывая квадратной челюстью.

– Ты когда-нибудь занималась спортом?

– Я... вряд ли.

– Сними обувь и иди сюда, – говорит, мотнув головой.

Опёршись о стену рукой, наступаю носком кроссовка на пятку, снимая сначала один, потом второй. Оставшись в носках, подхожу к нему и задираю голову. Моя макушка заканчивается там, где начинается его плечо. Его плечи такие широкие...

– Ляг на спину, – кивает он на пол. – Руки за голову.

Смотрю на пол потом на него. Обтерев вспотевшие ладони о свитер, делаю как велено.

Выдохнув через нос, растягиваюсь у его ног. Положив руки за голову, отбрасываю в сторону свой хвост, и смотрю на него снизу вверх. Максут опускается на корточки рядом, свесив с колен руки.

– Будем качать пресс.

– Ладно... – улыбаюсь я.

– Ноги согни в коленях. Ага, так. С выдохом поднимаешь только плечи.

Мышцы моего живота напрягаются, я коротко выдыхаю.

– Нет, только плечи, – его ладонь ложится на мои рёбра, и я вздрагиваю. Он бросает быстрый взгляд на моё лицо, но руку не убирает. Расслабляюсь, кусая губу и глядя в потолок.

– Ещё раз, – тихо говорит Максут. – Корпус не поднимай. Да, выдох. Ещё раз.

Его ладонь покидает мои рёбра, и мне хочется просить вернуть её назад!

– Умница, – всё так же тихо продолжает он.

От удовольствия, мне хочется зажмуриться.

– Ты не слышишь левым ухом?

Замираю, резко переводя на него глаза.

Он смотрит спокойно. Почесав большим пальцем бровь, говорит:

– У тебя нарушена координация и замедленные реакции.

Улыбка сползает с моего лица.

Закрываю глаза и делаю вдох.

Молчу, потому что... это только моё. Настолько личное, что я чувствую этот вездесущий ком в горле. Размером с мой кулак!

– Айза, если ты будешь здесь заниматься, я должен знать, – раздается надо мной.

Разумеется...

Разумеется, он должен знать...

Никто не знает. Даже моя мать!

Как такое возможно, что он понял? Мы провели вместе всего один день... с половиной...

– Эммм... – пытаюсь звучать беспечно, но не хочу открывать глаза. – Все думают... я рассеянная...

– Совсем ничего не слышишь?

– Кое-что...

Я знаю, каким будет его следующий вопрос. В том, что он спросит, я не сомневаюсь.

– Как это произошло?

Делаю выдох, а когда выдыхаю, чувствую, как вибрирует моя грудь.

– Мой двоюродный брат... ударил меня ладонями по... по ушам, – говорю хрипло и быстро. – Он старше на четыре года, а мне... было одиннадцать. Было так больно. Я плакала, а из уха... пошла кровь. Он испугался. Приказал никому не говорить...

– Что значит никому не говорить?! – вдруг орёт Максут, обдавая меня потоком воздуха, потому что вскочил на ноги. – У тебя был разрыв барабанной перепонки!

Сажусь, отрывая глаза. Он стоит надо мной, как гора. Сжав челюсти. Злой.

– Я жила в деревне целое лето, – тараторю быстро. – Там даже дорог нет. Мне неделю было плохо. Ухо загноилось... бабушка подумала, что это... отит... или

ещё что-то...

– А твоя мать?! – Лает он.

– Никто не знает... – трясую головой.

– Какого черта, Айза?! – снова повышает он голос. – Ты что, совсем дурочка?

Встав на ноги, обиженно выкрикивая:

– Мне было одиннадцать!

– Сейчас-то тебе не одиннадцать! – рычит Максут, глядя на меня, как на полную дуру.

Это злит меня. Обижает. Я не просила его говорить об этом! Он сам спросил! Мне ничьё участие не нужно. Я сама умею. Но то, что так на меня смотрит именно он, задевает до самых кишок. Настолько, что моя губа по-детски поджимается.

– Моя мать и так все время плачет! – Выкрикиваю в его лицо. – А всем остальным на меня плевать, понятно?! Если не хочешь со мной заниматься, не нужно! У меня все равно... никогда не получится!

Развернувшись на пятках, бегу к стене, цепляясь глазами за свои кроссовки.

Хочу уйти, и поскорее. Куда-нибудь, где никого нет.

Дёрнув меня за локоть, разворачивает к себе. Моя голова реагирует соответствующее. Она кружится, и я теряю равновесие, падая на Максута. Ударяюсь носом о его грудь, хватаясь за шорты на его каменном бедре.

– Я что, сказал, что не хочу с тобой заниматься? – вкрадчиво требует, обхватив моё плечо второй ладонью.

– Не сказал. – Упираюсь в его грудь руками.

Поднимаю голову, потрянув ею два раза.

– Ты что, мысли читаешь?

Смотрю в его глаза, выплёвывая:

– Не читаю.

– Отлично. А то я уж подумал, что читаешь.

– Я не хочу заниматься, – отворачиваюсь и дёргаю плечами. – Отпусти.

– Айза...

– Что?! – вскидываю на него мокрые глаза.

Его глаза блуждают по моему лицу. Брови сходятся на переносице.

Чертыхается, запрокидывая голову и вздыхая, а я всхлипываю. Ненавижу. Ненавижу плакать!

Обернув руку вокруг моих плеч, мягко прижимает к себе. Вяло сопротивляюсь, растекаясь по его груди. Всхлипываю всё громче, припадая к ней щекой. Его ладонь накрывает мою голову. Руки сами обвивают его талию. В нос проникает запах его тела. Запах чистого пота, запах его майки. Пахнет стиральным порошком. Закрываю глаза. От тепла. От внезапного, просто безумного удовольствия. Я слышу стук его сердца. Уверенный и мощный. Считаю удары, выравнивая дыхание.

Молча дышим в тишине целую вечность.

Его тело прилегает к моему во всех местах. Такое сильное. Такое надёжное.

Максут игриво накручивает на палец мой хвост.

Фыркаю.

– Мир? – бормочет, коснувшись подбородком моего виска.

– Угу... – поворачиваю голову, незаметно проводя носом по его груди.

Поднимаю на него глаза, глядя из своего укрытия.

Его лицо предельно серьёзно. Но расслабленно. Его губы расслаблены, а глаза смотрят в мои.

Задевая пальцем мою серёжку, тихо говорит:

– Это тоже придётся снять.

– Что мы будем делать?

– Разомнём твои кости.

– У меня не получится.

Я падаю, даже повернувшись вокруг своей оси.

Его губы кривит просто чертовски хитрая улыбка.

Глава 14

Айза

Падаю на синий мат лицом вниз, не чувствуя своего тела. Мат кажется таким мягким. Всё равно, что тёплое болото.

– Ещё раз, и закончим, – чувствую спиной насмешливый голос.

– Иди к чёрту! – стону, накрывая голову руками в розовых боксёрских перчатках.

Я пришла в восторг, когда их увидела.

Мокрая футболка прилипла к телу, по позвоночнику катятся струйки пота. По вискам тоже. В ухе звенит. Пальцы в перчатках не разгибаются. Я выгляжу не лучше тех детей. И я никогда не спала так крепко, как буду спать сегодня ночью! Знаю это точно!

– Поднимайся. – Получаю шлепок по заднице поролоновой палкой, которой он мучает меня уже сорок минут.

– Нееееет! – визжу, отбиваясь и переворачиваясь на спину.

Раскинув в стороны руки, смотрю на него снизу вверх и смеюсь.

Его голубые глаза тоже смеются, губы улыбаются.

У меня внутри все сжимается.

От восторга.

От дикой потребности бежать куда-то и что-то творить. Безумный всплеск энергии. Жизни. Прямо в моих венах.

– Не могу... – говорю с жаром, продолжая демонстративно лежать у его ног.

Распластанная и уставшая, но я... мне кажется, я счастлива...

Я всё время смеюсь и никак не могу перестать. Никак не могу перестать смотреть на него и ждать каждого прикосновения. Случайного и нет. Подушечки его пальцев немного загрубевшие, а сами пальцы такие сильные. Эти мысли плавают в моей голове, кружа её. Мысли постепенно возвращаются в мою голову, потому что последние полчаса их там вообще не было. Они испарились сразу после того, как мы перешли от разминки к “делу”. Так он это назвал.

Последние полчаса я думала только о том, как дышать, когда горят лёгкие и мышцы. Когда это происходит, у человека в голове пусто. Это я теперь точно знаю! Он тоже это знает.

Это... урок?

– Я умираю, – говорю ему звонко, поворачивая голову вслед за ним.

– Что-то не похоже. – Бросив поролоновую штукину на пол рядом с матом, вращает плечами.

Неимоверно бодрый и довольный.

– Клянусь! – все также звонко смеюсь я.

Посмотрев на меня с иронией, наклоняется и подхватывает с пола термос с водой. Гладкая ткань шорт натягивается на мощном бедре, и я с волнением отвожу глаза.

Подойдя к мату, Максут приседает и упирается коленями в пол у моих стоп, ставит рядом термос и манит пальцами:

– Дай руку.

Оторвав от мата плечи, со стоном протягиваю ему неподъемную перчатку. Обхватив пальцами запястье, дергает на себя, заставляя принять вертикальное положение. Пошатнувшись, сажусь напротив, а потом подбираю под себя ноги, копируя его позу. Стукнув второй перчаткой по голове, мотаю ею из стороны в сторону.

– Голова кружится? – Расстегнув застёжку, освобождает мою руку.

– Ты спрашиваешь каждую минуту, – поднимаю на него глаза.

Он изучает моё лицо, глядя сверху вниз.

На самом деле, его забота... от неё у меня колет где-то под рёбрами. Я не знаю, почему ему не плевать. Почему он делает это для меня? Из... жалости?

Только не это. Я не хочу его жалости! Я хочу... хочу...

– Раз спрашиваю, значит так нужно.

Опустив глаза, разматывает специальный бинт, в который укутана моя ладонь.

Вздыхаю, любуюсь венами на его руках.

– Если скажу, ты расхочешь со мной заниматься?

– Если не скажешь, я не буду с тобой заниматься.

– Кружится, – признаюсь хмуро. – Все время.

Откладывает в сторону бинт, а я сжимаю и разжимаю пальцы, морщась.

– Что ещё?

– В ухе звенит...

Его ладонь подхватывает мою. Просунув свои пальцы между моих, сцепляет их в замок, а потом давит кончиками на мои костяшки, создавая невообразимо приятные ощущения в руке до самого локтя.

Закрываю глаза и выдыхаю:

– Ммммм...

Ещё одно нажатие и ещё один блаженный стон. Покачнувшись, упираюсь лбом в широкую грудь, положив вторую руку в перчатке в его раскрытую ладонь, лежащую на здоровенном бедре.

– Как ты с ним борешься? – спрашивает над моим правым ухом.

– Со звоном? – отзываюсь я.

– Да.

Он не спешит разъединять наши руки, а плавно поворачивает свою и мою кисть, увлекая её за собой и подчиняя. Открыв глаза, наблюдаю, чувствуя как по спине и плечам поднимается тепло.

Боже... мы такие разные.

Мы не похожи друг на друга ни в одном месте. Наши лица совершенно разные, никто никогда не принял бы нас за родственников. Его черты тяжелые и крупные, а мои... мои наоборот...

Почему мне так хорошо? Я не хочу расставаться с ним. Не хочу! Я знаю его один день. С половиной...

– Просто... стучу по затылку... – шепчу, потому что вокруг нас так тихо.

Потому что мы здесь одни. Только он и я. Я хочу... до ужаса хочу, чтобы он опять меня обнял!

– Понятно, – хмыкает Максуд, сдавливая мою ладонь так, что пальцы выпрямляются.

– Тебе смешно? – возмущаюсь я.

– Мне НЕ СМЕШНО.

От стали в его голосе выпрямляюсь, заглядывая ему в лицо.

Он роняет наши руки на свободное бедро, глядя на меня, слегка откинув голову, а потом резко оборачивается через плечо. Вздвогнув, приподнимаюсь на коленях, глядя на дверь. Приподнимаюсь, потому что его тело мешает видеть мне хоть что-то вокруг!

В моей груди собирается тяжесть.

Потому что в спортзал, неся с собой потоки энергии, врывается... Тина.

В спортивных лосинах и коротком спортивном топе.

Я... никогда бы не смогла такое надеть. Между высоким поясом лосин и топом кусок голой кожи. Это немного шокирует меня. Она видит нас и весело машет рукой, сбрасывая с плеча маленькую спортивную сумку.

Я не могу испытывать к ней неприязни, как не пыталась бы.

Она такая... такая...

– Вторую снимешь сама, – хриловато говорит Максут, освобождая мою руку и вставая. Повернувшись спиной, отрывисто говорит. – Выпей воды и возьми в сумке мою толстовку. Надень капюшон, чтобы выровнять температуру тела. И поешь как следует.

Не глядя на меня, идёт к боксерской груше, начиная регулировать её высоту, а мне хочется швырнуть в него чем-нибудь!

Или заплакать.

Глава 15

Максут

Бросив взгляд на захлопнувшуюся дверь, перевожу его на Тинатин, говоря:

– Ты опоздала.

– Поставишь мне двойку? – пожимает плечом.

Снова смотрю на дверь, прикидывая в голове, сколько времени Айзе нужно для того, чтобы без приключений добраться до второго этажа. Представить ее, попавшей в беду – проще пареной репы. Зная гнилую сущность человеческой природы, не сомневаюсь в том, что каждый второй мужик, присмотревшись к ней получше, сразу захочет доставить неприятности. Потому что дерьмо падко на невинность и наивность, особенно когда все это приправлено беззащитностью, стройным юным телом и доверчивостью.

– У тебя новая ученица? – спрашивает Тина за моей спиной.

Резко дергаю цепь, опуская боксерский мешок на семь сантиметров.

У моей новой ученицы все настолько хреново с координацией, что я не понимаю, как она до сих пор не вошла в долбаную стену. Вполне возможно, что входила. Как решить эту проблему, я пока не знаю. Всё действительно очень плохо.

Тину никогда не останавливает отсутствие у собеседника желания поболтать.

– Её отец – настоящая скотина, – сообщает она, протягивая мне боксёрские бинты. – Военный, кажется. Одним словом – мудака. Не в обиду.

– Ага. – Забираю у неё бинты. – Какие обиды.

Сжимая зубы, думаю о том, что никто не станет бежать из дома при отсутствии острой необходимости. Ёбаный мудака прикладывал руки?

Блять, Айза. Как может один человек к восемнадцати годам собрать на свою голову столько дерьма?

– Когда будешь уходить, найдёшь себе замену?

– Я никуда не ухожу.

– Но,ведь, уйдёшь?

Поднимаю глаза и смотрю в запрокинутое лицо.

Протягивает мне руку, ожидая ответа.

Я уйду. И, судя по всему, довольно скоро. Месяц или два. Моё местоположение определено пятилетним контрактом, в котором ещё три неотработанных года. Мире недолго осталось ждать, скоро Марат придёт за своей семьёй. Я уйду вместе с ней, чтобы делать то, за что мне платят. Мне платят за то, чтобы ни один волос не упал с её белокурой головы.

– Кого ты хочешь? – спрашиваю, обматывая бинтом тонкую ладонь. – Сколько готова платить?

– Я хочу надёжного человека. С... военной подготовкой, и не тупого. По цене... договоримся. Короче говоря, я хочу такого же, как ты.

– Военного и не тупого?

– Да, – деловым тоном заявляет она, весело посверкивая глазами. Откашлявшись, добавляет. – Лучшего из лучших.

Смотрю на неё с иронией.

– Я о твоих профессиональных качествах, – заявляет она.

– Разомнись, – киваю на шведскую стенку. – Пока я не расплакался.

В этой женщине столько энергии, что мочу её и в хвост, и в гриву.

Это наш привычный ритм. На автомате меняю положение тренировочных “лап”, пока она лупит по ним, как дьяволица.

Потрясающая женщина.

Невыносимая, до скрипа зубов.

Если бы когда-нибудь решил заводить семью, велел бы ей отойти от себя на пять метров и не приближаться. С такой женой придется половине города снести

башку.

Тина – не самое страшное из того, что может приключиться с мужчиной.

Гораздо страшнее нести ответственность за что-то, вроде Айзы.

Глава 16

Айза

– Эмम्म... знаешь что я вычитала?

– Нет.

Перевернув блок видеорегистратора, изучаю набор входов и выходов для камер и блока питания. Отложив его в сторону, достаю из коробки скреплённые стяжками кабели, пытаюсь понять их длину. Бросив взгляд на шахматную доску, лежащую на подоконнике рядом, вижу, как тонкие прозрачные пальцы берутся за конусообразную макушку слона и перебрасывают его на мою половину поля, подвинув белую пешку.

Поднимаю голову и смотрю в хитрые карие глаза.

Затаившись и прикусив губу, откидывается на оконное стекло, сложив на груди руки.

– Так вот, люди говорят – никогда не узнаешь человека, пока не сыграешь с ним в шахматы, – заявляет, болтая от нетерпения ногой.

– Правда?

– Да. Что ты узнал обо мне?

Положив кабели ей на колени, принимаю предложение: протягиваю руку и забираю слона ферзём, бросив первого в коллекцию других чёрных фигур, сваленных рядом с доской в небольшую кучу.

– Что у тебя есть мозги, – говорю ей.

– Я серьезно.

– Я тоже.

Молниеносно выпрямившись, выбрасывает руку и сбивает пешкой моего ферзя, будто боясь, что я могу передумать и сдать назад. Хватает его и вертит перед моим носом, как трофеем.

Лицо, обрамлённое густыми волнистыми волосами, светится самодовольством. Полные розовые губы улыбаются.

Распущенные волосы чертовски ей идут. На вид такие мягкие, что хочется потрогать и пропустить между пальцев. Но если приплюсовать к ним мою толстовку, выглядит она ещё моложе, чем на самом деле. Потому что волос на её голове в самом деле до фига, и я опасаюсь того, что тонкая фарфоровая шея в любой момент под их тяжестью переломится.

– Что ещё ты обо мне узнал?

– Что ты внимательная. – Ввожу в игру свою дремлющую ладью, забирая пешку. – Но не сегодня.

Беру кабели с её колен, заодно прихватив с подоконника отверту.

– Вот чёрт... – бормочет Айза, хмуро осматривая доску. Поднимает на меня глаза, обиженно констатируя. – Шах и мат.

Закинув пояс на плечо, иду к стремянке.

– Ты когда-нибудь проигрывал? – летит мне в спину.

– Бывало.

Поднявшись на две ступеньки, цепляю кабель к уже установленной камере видеонаблюдения. Бросаю взгляд на Айзу, которая всё так же сидит на подоконнике, сложив между колен ладони и вдумчиво изучая шахматную доску. Очевидно, пытаюсь понять, где допустила ошибку.

Сегодня из под толстовки торчит край какого-то цветастого платья, которое заканчивается над коленями. На ногах плотные чёрные колготки и дурковатые домашние туфли с меховыми помпонами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/letova_mariya/voz-mi-menya-sebe

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)